

УДК 930.1

Т. Т. Кручковский

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Я. Купалы», Гродно

ИСТОРИЯ РОССИИ ВЕЛИКОРУССКОГО ПЕРИОДА И ПОЛЬСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ В. О. КЛЮЧЕВСКОГО

В творчестве известного русского либерального историка В. О. Ключевского определённое место занимала история Польши. В статье рассматривается место и роль Польши в концепции истории России великорусского периода В. О. Ключевского. Историческая полонистика учёного представлена в контексте его основных трудов, а также на фоне общих позиций русской историографии. В контексте исторической полонистики и роли Польши в истории России творчество В. О. Ключевского исследовалось только выборочно, и специального историографического исследования по заявленной нами проблематике не проводилось.

Ключевые слова: великорусский период, история России, польско-российские отношения, историософские воззрения В. О. Ключевского.

Введение. В данной статье автор ставит целью, рассматривая наиболее известную историческую концепцию истории России конца XIX — начала XX веков В. О. Ключевского, выделить и показать в ней место и историческую роль Польши в великорусский период истории русского народа. Автор статьи не анализирует весь спектр проблематики отношений России и польско-литовского государства великорусского периода истории России: остаётся в стороне период Смутного времени. История Польши учёным отдельно не исследовалась, а была в определённой степени, в зависимости от конкретного периода, тесно взаимосвязанной частью истории России или частью её внешнеполитических отношений.

Научное наследие и общественно-политические и историософские воззрения В. О. Ключевского являлись неоднократно предметом исследования и его современников [1—3], и в советской исторической традиции [4—12], и в современной историософской и историографической литературе [13—32]. Вместе с тем вне заинтересованности исследователей остаётся историческая полонистика учёного и, исходя из этого, место и роль Польши в его историософии России. В поле внимания исследователей попали только некоторые аспекты историче-

ской полонистики В. О. Ключевского [28—32]. Историческая полонистика В. О. Ключевского исследуется исходя из всего творческого наследия историка [33], а также рассматривается на фоне ряда современных ему работ русской историографии [34—40]. Проблематика российско-польских отношений периода XV и XVI веков, будучи одним из наиболее напряжённых этапов отношений этих соседних государств, в интерпретации Ключевского не стала предметом отдельного историографического исследования. Не существует также специального комплексного историографического исследования данной проблематики учёного.

Основная часть. Объединение великорусских земель, по Ключевскому, стало началом третьего периода истории России: «Он начинается с половины XV века, точнее говоря, со вступления Ивана III на великокняжеский стол, и продолжается до начала XVII века» [41, с. 99]. Учёный считал, что основной факт истории России этого периода заключается в том, что «завершение территориального собирания северо-восточной Руси Москвой превратило Московское княжество в национальное великорусское государство» [41, с. 108].

Объединение великорусских земель было также, по мнению исследователя, новым этапом

в борьбе Москвы и польско-литовского государства. С Ивана III Московское государство, утверждал учёный, «заводит сложные дипломатические сношения с иноземными западноевропейскими государствами — Польшей и Литвой, Швецией, с орденами Тевтонским и Ливонским, с императором германским и другими» [41, с. 108]. Иван III продолжал старое дело территориального собирания Руси, считал историк, но уже по-новому — под действием религиозного фактора: «Действие этого интереса обнаруживается среди православных князей, подвластных Литве [41, с. 104]. Далее он прямо называл этот фактор «национально-религиозным движением» [41, с. 104]. Таким образом, В. О. Ключевский в традициях русской историографии придавал большое значение в этом соперничестве России и польско-литовского государства конфессиональному фактору, хотя следует признать, что несколько меньшее, чем такие его знаменитые предшественники, как Н. М. Карамзин или С. М. Соловьёв, или представители русской консервативной традиции второй половины XIX века [34—36].

Это положение В. О. Ключевский обосновывал католическим характером польско-литовского государства после Кривской унии, которая, по его мнению, изменила русский характер Великого Княжества Литовского (далее — ВКЛ). В последующем, называя унию династическим союзом и не объясняя, как она смогла сохраниться в условиях русского характера ВКЛ до Кривской унии, историк утверждал, что «этот династический союз Литвы и Польши завязал роковой для соединённого государства религиозно-политический узел» [41, с. 104]. Исходя из этого положения, учёный считал ВКЛ уже составной политической частью польско-литовского государства, не имеющей отдельной политической линии в отношении Москвы.

«С тех пор началась при содействии польско-литовского правительства, — писал далее историк вполне в традиции консервативной историографии, — католическая про-

паганда в Западной Руси. Пропаганда эта особенно усилилась во второй половине XV века, когда Литвой правил сын Ягелло Казимир IV» [41, с. 104]. Согласно утверждению В. О. Ключевского, «православное русское общество оказывало стойкое противодействие католическим миссионерам. В Западной Руси начиналось сильное брожение, “замятия великая” между католиками и православными» [41, с. 104]. В результате можем сказать, что В. О. Ключевский также принимал российско-польское соперничество в XV—XVI веках как отчасти религиозную войну. Другое дело, что, по общей причине преимущественно академического изложения проблематики, он описывал её не так ярко и красочно, как названные предшественники.

Учёный показывал это прежде всего на примере отношения Твери и Новгорода к Москве и ВКЛ. Он писал: «Когда Иван III только ещё собирался в поход на Тверь за её союз с Литвой, многие тверские бояре и дети боярские стали покидать своего князя и толпами переходить в Москву» [41, с. 103]. Новгород в этом противостоянии, по его мнению, занимал особое место, что определялось его иным общественно-политическим устройством: «Формы его политического быта носили демократический отпечаток <...> Но общественный быт Новгорода созидался не на почве равенства» [41, с. 79]. Этот строй историк хотя и считал непрочным, но отмечал имеющиеся общие черты со средневековой Европой: «Нельзя назвать прочным общественный порядок, который приходится поддерживать средствами анархии; но у новгородского веча мятеж был единственным средством сдерживать правительство, когда оно, по мнению народа, угрожало народному благу. К такому средству прибегал не один Новгород, как известно из истории средневековой Европы» [41, с. 86].

Согласно мнению В. О. Ключевского, в княжеской Руси существовало враждебное отношение к Новгороду, которое историк объяснял рядом причин, в том числе и польско-литовским фактором: «ранние

и тесные торговые и культурные связи Новгорода с немецким католическим Западом, наконец, и более всего, союз с литовским королем-папезником» [41, с. 94—95]. По этой причине на Руси, считал он, «на новгородцев привыкли смотреть как на крамольников и вероотступников <...> В глазах летописца, — писал далее историк, — новгородцы хуже неверных. Неверные, по его словам, искони не знают бога; эти же новгородцы так долго были в христианстве, а под конец начали отступать к латинству; великий князь Иван пошёл на них не как на христиан, а как на иноплеменников и вероотступников» [41, с. 95].

Либеральный историк признавал наличие в Новгороде определённых прав личности, которых не было в Москве: «Судите всех равно, как боярина, так и житего, так и молодого человека». Он прямо говорил, что «Москва грозила Новгороду уничтожением вольности» [41, с. 95]. Однако, по его мнению, республика была обречена в борьбе с самодержавной Москвою: «Новгород при лучшем политическом устройстве мог бы вести более упорную борьбу с Москвой, но исход этой борьбы был бы всё тот же: вольный город неминуемо пал бы под ударами Москвы» [41, с. 97]. Однако, даже отметив эти черты политического устройства польско-литовского государства, отличные от Московии, учёный не сравнивал их [42, с. 359], как и далее общий характер устройства городской жизни [43, с. 91—92], положение крестьянства [44, с. 51], цивилизационные основы их общественно-государственного устройства [45] и т. д.

Интересна интерпретация этой борьбы Новгорода и Москвы с учётом фактора польско-литовского государства, к которому Новгород обратился за помощью, заключив соглашение о сохранении основ его общественного строя и веры: «Оставалось искать спасения у Литвы». Признавая это, историк утверждал: «Но союз с Литвой казался изменой родной вере и земле в глазах не только остальной Руси, но и значительной части самого новгородского общества» [41, с. 96]. По мнению Ключевского, Москва Ивана III

начинает осознавать идею народного единства Русской земли [41, с. 108]. При этом он считал, что «чувство народного единства Русской земли — не новый факт XV—XVI веков: это дело Киевской Руси XI—XII веков» [41, с. 108]. «Разрыв русской народности на две половины, юго-западную и северо-восточную, удельное дробление последней, иноземное иго, — пишет В. О. Ключевский, — эти неблагоприятные условия едва ли могли содействовать прояснению мысли о народном единстве <...> Эта идея возникает и усиленно разрабатывается, — считал учёный, — прежде всего, в московской правительственной среде по мере того, как Великороссия объединялась под московской властью» [41, с. 109]. В результате этого после политического объединения Великороссии, заключал историк, ставятся дальнейшие задачи внешней политики: «Иван III, подбирая последние самостоятельные русские миры, в то же время заявил в борьбе с Польшей, что объединённая Великороссия не положит оружия, пока не воротит всех остальных частей Русской земли, оторванных соседями, пока не соберёт всей народности» [43, с. 85].

Наиболее ярким доказательством этого положения историк считал как раз политику Москвы в отношении польско-литовского государства, выразившуюся в серии войн: «Иван III два раза воевал со своим литовским соседом великим князем Александром, сыном Казимира IV. Обе войны вызваны были одинаковым поводом — переходом мелких князей Черниговской земли на московскую службу <...> Женитьба Александра на дочери Ивановой не помешала второй войне, когда переход служилых князей из Литвы возобновился в усиленной степени <...> В то же время (1501 год) Александр литовский был избран по смерти другого брата, Яна Альбрехта, и на польский престол» [41, с. 110]. В. О. Ключевский, как и его учитель С. М. Соловьёв, приводил московское обоснование претензий на международной арене, обращённых к Риму: «Папе, надеемся, хорошо известно, что короли Владислав

и Александр — вотчины Польского королевства да Литовской земли от своих предков, а Русская земля — от наших предков из старины наша вотчина» [41, с. 110]. Исходя из этого, исследователь делал следующий вывод: «По этой дипломатической диалектике вся Русская земля, а не одна только великорусская её половина объявлена была вотчиной московского государя» [41, с. 110—111].

«Эта мысль о государственном единстве Русской земли из исторического воспоминания, — отмечал учёный, — теперь превращается в политическое притязание, которое Москва и спешила заявить во все стороны как своё неотъемлемое право» [4, с. 111]. Далее историк утверждал, что с этого времени, «когда Великая Русь образовала единое политическое целое, поставила на очередь вопрос о политическом объединении всей Русской земли <...> из этого вопроса вышла вековая борьба двух соседних славянских государств — Руси и Польши» [4, с. 111]. Более того, он считал, «что у Москвы с Литвою прочного мира быть не может, пока московский князь не воротит своей отчины, всей Русской земли, что за Литвой, что борьба будет перемежаться только перемириями для восстановления сил, чтобы перевести дух» [4, с. 111].

Такой подход, утверждал далее учёный, и определил последующие войны с польско-литовским государством как основным соперником Москвы: «При Иване III <...> две войны при нём самом, две при его сыне Василии, одна война в правление Васильевой вдовы Елены, при Иване IV война с Ливонией» [41, с. 111]. «Точнее говоря, — продолжал он, — две войны с Польшей, поглотившие около 20 лет его царствования» [41, с. 111]. Эти свои выводы историк даже перевёл в подсчёт времени войны и мира с польско-литовским государством, где война была правилом, а мир — только передышкой перед новой войною: «Из 90 лет (1492—1582) не менее 40 ушло на борьбу с Литвой — Польшей» [41, с. 111]. Таким образом, историю отношений Москвы и Польши, соединённой с ВКЛ, с конца XV века и на протяже-

нии XVI века исследователь показывал как постоянное противоборство сначала с ВКЛ, а потом и с Речью Посполитой. Эти войны рассматривалась Ключевским как первостепенная внешнеполитическая задача московской России.

Данную проблему постоянных войн с польско-литовским государством за Русь как свою вотчину В. О. Ключевский интерпретировал значительно глобальнее и драматичнее, утверждая: «Московское государство — это вооружённая Великороссия, боровшаяся на два фронта: на западе — за национальное единство, на юго-востоке — за христианскую цивилизацию, там и здесь — за своё существование» [41, с. 372]. «Новые границы государства поставили его в непосредственное соседство, — объяснял он новое геостратегическое положение Москвы, — с внешними иноплеменными врагами Руси — шведами, литовцами, поляками, татарами. Это соседство ставило государство в положение, которое делало его похожим на вооружённый лагерь, с трёх сторон окружённый врагами. Ему приходилось бороться на два растянутых и изогнутых фронта, северо-западный европейский и юго-восточный, обращённый к Азии» [41, с. 195].

«На европейском фронте, — уточнял исследователь, — шла борьба со Швецией и Ливонией, с Литвой—Польшей за Западную Русь. В 1492—1595 гг. было три войны со Швецией и семь войн с Литвой—Польшей совместно с Ливонией. Эти войны поглотили не менее 50 лет, следовательно, на западе в эти 103 года мы круглым счётом год воевали и год отдыхали» [41, с. 196]. Если на северо-западе эта борьба изредка прерывалась кратковременными перемириями, продолжал учёный, то на юго-востоке она не прекращалась ни на минуту: «Здесь не было ни миров, ни перемирий, ни правильных войн, а шло вечное обоюдостороннее подсиживание» [41, с. 196]. Такое состояние для России стало уже нормальным в XVI веке, утверждал В. О. Ключевский и ссылаясь на Герберштейна, который писал: «Для неё мир — случайность, а не война» [41, с. 196].

Иван Грозный, по мнению учёного, продолжал политику предшественников, стремился распространить территорию России «до естественных географических границ русской равнины, занятых враждебными иноплеменниками». «Так были поставлены на очередь, — писал историк, — две задачи внешней политики: завершение политического объединения русской народности и расширение государственной территории до пределов русской равнины» [43, с. 85—86]. Овладение Средним и Нижним Поволжьем и расширение восточных границ государства до Урала и Каспия он рассматривал как решение одной из этих задач [43, с. 86]. Выполняя их, считал историк, царь хотел на западе приобрести Ливонию, продвинуть границы государства до Балтийского моря, т. е. до восточного его берега как естественного рубежа равнины. Однако по вине польско-литовского государства эта задача не была решена: «в борьбе с Баторием он даже потерял старинные русские города по Финскому заливу и Ладожскому озеру: Яму (Ямбург), Копорье, Корелу (Кексгольм) и Иван-город» [43, с. 86].

Эти внешнеполитические задачи Велико-россии, по мнению Ключевского, привели к созданию в конце XVI века Российского государства, одного из самых больших в Европе. Однако проигранная война с Речью Посполитой остановила территориальный рост Москвы, и эти внешнеполитические задачи не были решены [43, с. 86]. Как видим, вопросу неудачной Ливонской войны Ивана Грозного, по причине вмешательства польско-литовского государства, учёным уделено значительно меньше внимания, чем его известными предшественниками [37—39]. Это обстоятельство отмечено и в современной польской историографии [29, с. 252]. Продолжения этой московской политики в отношении Польши историк ожидал и от Бориса Годунова, упрекая его в отсутствии таковой: «Царь Борис вёл нерешительную, двусмысленную внешнюю политику, не воспользовался ожесточённой враждой Польши со Швецией, что давало ему возможность

союзом с королём шведским приобрести от Польши Ливонию» [43, с. 23].

Таким образом, В. О. Ключевский, подобно Н. М. Карамзину и С. М. Соловьёву, понимал борьбу Москвы «за своё существование» как постоянное расширение её территорий вплоть до полного овладения всей восточноевропейской равниной и выполнения ею исторической миссии. Определяя историческую миссию России, он утверждал: «У каждого народа своя судьба и своё назначение <...> Наш народ поставлен был судьбой у восточных ворот Европы, на страже ломившейся в них кочевой хищной Азии. Целые века истощал он свои силы, сдерживая этот напор азиатов, одних отбивал ... других через двери христианской церкви мирно вводил в европейское общество. Между тем Западная Европа, освободившись от магометанского напора, обратилась за океан, в Новый Свет, где нашла широкое и благодарное поприще для своего труда и ума <...> Эта Европа чувствовала, что сзади, со стороны урало-алтайского востока, ей ничто не угрожает, и плохо замечала, что там идёт упорная борьба, что, переменяя две главные боевые квартиры — на Днепре и Клязьме, штаб этой борьбы переместился на берега Москвы и что здесь в XVI веке образовался центр государства, которое, наконец, перешло от обороны в наступление на азиатские гнёзда, спасая европейскую культуру от татарских ударов. Так мы очутились в арьергарде Европы, оберегали тыл европейской цивилизации <...> Таково было европейское положение Московского государства в конце XVI века» [41, с. 373]. При этом В. О. Ключевский, как и его предшественники, оценивал продвижение России на восток и борьбу с мусульманскими ханствами как миссию борьбы с кочевой Азией, которую Россия начала ещё с киевских времён.

Исходя из этой ситуации, Ключевский объяснял отставание России от Западной Европы: «Если представить себе, сколько времени и сил материальных и духовных гибло в этой однообразной и грубой, мучительной

погоне за лукавым степным хищником, едва ли кто спросит, что делали люди Восточной Европы, когда Европа Западная достигала своих успехов в промышленности и торговле, в общежитии, в науках и искусствах» [41, с. 201]. «Важнее всего то, — продолжал учёный, — что напряжение материальных сил народа для внешней борьбы оставляло слишком мало простора для развития духовных интересов, давило общественную мысль, мешая ей уяснить себе новые задачи, какие становились перед формирующимся национальным государством» [41, с. 308].

Одной из основ политики Москвы в отношении ВКЛ, по мнению В. О. Ключевского, была теория Москвы как третьего Рима, которая выросла из политического брака Ивана III и Софьи Палеолог и «получала значение политической демонстрации, заявляя всему свету, что царица, как наследница павшего византийского дома, перенесла его державные права в Москву как в новый Царьград» [41, с. 114]. В основу её были положены политические притязания, отразившиеся и на польско-русских отношениях: «Это мысль о московском государе как о национальном властителе всей Русской земли и мысль о нём как о политическом и церковном преемнике византийских императоров» [41, с. 115].

В качестве одного из проявлений этой позиции историк расценивал притязания московских царей на титул государя всея Руси, несмотря на то обстоятельство, что «много Руси оставалось за Литвой и Польшей, и, однако, в сношениях с западными дворами, не исключая и литовского, Иван III впервые отважился показать европейскому политическому миру притязательный титул государя всея Руси, прежде употреблявшийся лишь в домашнем обиходе, в актах внутреннего управления и в договоре 1494 года даже заставил литовское правительство формально признать этот титул» [412, с. 115]. Эта же идея звучала в московских переговорах с Сигизмундом-Августом: «Подобно деду, царь Иван в беседе с польско-литовскими послами, жалуясь на то, что король Сигизмунд-Август не

признаёт его титулов и прав, ими выражаемых, говорил, что эти права даны ему богом и ни в чём признании не нуждаются» [41, с. 119].

Учёный часто сравнивал общественно-политическое устройство России и Западной Европы и весьма редко и чаще всего косвенно — устройство России и польско-литовского государства. Он прямо утверждал, что Россия не имела западноевропейской формы феодализма: «хотя в Москве и возникали отношения, напоминающие феодальные порядки Западной Европы, но это — явления не сходные, а только параллельные. В отношениях бояр и вольных слуг к удельному князю многого недоставало для такого сходства, недоставало, между прочим, двух основных феодальных особенностей: 1) соединения служебных отношений с поземельными и 2) наследственности тех и других» [42, с. 359].

В России, согласно теории Ключевского, внешнеполитические задачи привели к чрезмерному усилению верховной государственной власти и полному подчинению общества и обусловили создание иной формы государства — «тяжёлой политической организации» [43, с. 12]. Царствование Ивана Грозного, считал Ключевский, с особенной силой показало недостатки этого строя.

Историк выделял три главные особенности устройства российского государства. Первой чертой он считал «боевой строй государства» [41, с. 372], а в другом месте показал, что Московия представляла собой «вооружённый лагерь» [41, с. 195]. Вторую особенность, по его мнению, составлял тягловой, неправовой характер внутреннего управления и общественного строя. Он поддерживал одну из основных идей государственной школы о закрепощении и раскрепощении сословий: «Сословия различались не правами, а повинностями, между ними распределёнными. Каждый обязан был или оборонять государство, или работать на государство» [41, с. 372]. «Третьей особенностью московского государственного порядка, — писал исследователь, — была верховная власть с неопределённым, т. е. неограниченным,

пространством действия» [41, с. 372]. Таким образом, вторая и третья особенности устройства московской России, по Ключевскому, касались социально-политического строя страны и определялись сформулированной ещё за полстолетия до него С. М. Соловьёвым и Б. Н. Чичериным теорией закрепощения и раскрепощения сословий. Однако анализ текста курса лекций по русской истории позволяет утверждать, что такое образование сословий, по Ключевскому, произошло в основном не вследствие завоевания, а в результате деятельности верховной власти по развёрстке тягла среди населения. Общая оценка устройства Московского государства в XVI веке Ключевским следующая: «Это была абсолютная монархия, но с аристократическим управлением <...>. Не было политического законодательства, которое определяло бы границы верховной власти» [41, с. 170].

Учёный неоднократно отмечал огромный милитарный потенциал Московской России и его численный перевес над основным соперником — польско-литовским государством [412, с. 195]. Так, он, ссылаясь на различные источники, в том числе и иностранные, писал, что «трудно определить численность всего военно-служилого московского класса в конце XVI века <...> Английский посол Флетчер насчитывает до 100 тысяч ратников, получавших ежегодно жалованье и находившихся на постоянной службе, но он не указывает количества многочисленных городских детей боярских <...> разрядную цифру армии, взявшей Полоцк, надобно удвоить, если не утроить; современники, очевидно, преувеличивали, доводя её силу до 280 тысяч, даже до 400 тысяч» [41, с. 195]. Это же он показывал и в период Ливонской войны: «Когда Баторий осадил Псков с гарнизоном не менее 30 тысяч человек, а в Новгороде стоял князь Голицын с 40 тысячами, под Старицей у царя было, по летописи, собрано 300 тысяч. К этим массам надо прибавить ещё многие тысячи, которые защищали взятые незадолго до того Баторием Полоцк, Сокол, Великие Луки и другие города

и большая часть которых погибла при взятии этих городов» [41, с. 195].

Показательно, что историк объяснял их различный этнический и религиозный характер: «не прекращался прилив ратных слуг из-за границы, из татарских орд, из Польши, особенно из Литвы... с князем Глинским выехала из Литвы толпа западноруссов... и назывались “Глинского людьми” или просто “литвой”» [41, с. 192]. «Ещё обильнее был прилив, — писал исследователь, — с татарской стороны. По такому расчёту фамилий русских, т. е. великорусских, оказывается 33%, происхождения польско-литовского, т. е. в значительной степени западнорусского, — 24%, происхождения немецкого, западноевропейского — 25%, происхождения татарского и вообще восточного — 17% и 1% остаётся неопределим» [41, с. 193].

«Тягловой, неправовой» характер внутреннего строя России, по утверждению учёного, был результатом военно-политической необходимости, международного положения: «Едва ли в истории какой-либо другой страны влияние международного положения государства на его внутренний строй было более могущественно» [43, с. 12]. «Успешное объединение Великороссии, — утверждал историк, — ставило объединителей в большое затруднение. Собиравшуюся землю надо было не только защищать, но и устроить <...> Московские собиратели были застигнуты врасплох собственными успехами <...> Тогда московское правительство и обратилось к обычному приёму своей устроительной политики — требовать недостающих материалов устройства от самого населения: требовался новый расход — оно вводило новый налог; потребовались новые ответственные и даровые органы местного управления — обязательная поставка их была возложена на местное общество» [41, с. 345].

В то же время в Западной Европе, писал он, дело обстояло иначе: «Когда перед европейским государством становятся новые и трудные задачи, оно ищет новых средств в своём народе и обыкновенно их находит,

потому что европейский народ, живя нормальной, последовательной жизнью, свободно работая и размышляя, без особенной натуги уделяет на помощь своему государству заранее заготовленный избыток своего труда и мысли <...> Всё дело в том, что в таком народе культурная работа ведётся незримыми и неуловимыми, но дружными усилиями отдельных лиц и частных союзов независимо от государства и обыкновенно предупреждает его нужды» [43, с. 10]. В России, продолжал историк, дело шло в обратном порядке: «Государственные требования, донельзя напрягая народные силы, не поднимали их, а только истощали: просвещение по казённой надобности, а не по внутренней потребности давало тощие, мёрзлые плоды <...> Народное образование получило характер правительственного заказа или казённой поставки» [43, с. 11].

Эти основные обстоятельства внешнеполитического характера привели, согласно теории Ключевского, к чрезмерному усилению верховной государственной власти и полному подчинению общества. «Случилось, что расширение государственной территории, — писал учёный, — напрягая не в меру и истощая народные средства, только усиливало государственную власть, не поднимая народного самосознания <...> Все эти неправильности имели один общий источник — неестественное отношение внешней политики государства к внутреннему росту народа» [43, с. 12]. Этот выход учёный подытоживал ставшим знаменитым выражением, определяющим соотношение государства и народа в истории России: «Государство пухло, а народ хирел» [43, с. 12].

В этом состоянии государства, согласно Ключевскому, государь выступал как хозяин московской государственной территории [43, с. 48], государство понималось «в смысле вотчины, хозяйства государя известной династии» [43, с. 48]. Далее историк даже утверждал, что тогдашнему русскому народу казалось, что «государство московского государя, а не московского или русского народа» [43, с. 49] и что для него были «нераздель-

ными понятиями не государство и народ, а государство и государь известной династии; они скорее могли представить себе государя без народа, чем государство без этого государя» [43, с. 49].

Исходя из такой доминирующей над обществом роли господства государства, историк и представлял тогдашний русский народ и его роль: «По отношению к царю все его подданные считались холопами, дворовыми его людьми, либо сиротами, безродными и бесприютными людьми, живущими на его земле» [43, с. 64]. Далее Ключевский выдвигал положение о том, что русский народ того времени нельзя даже назвать подданными: «Когда подданные, связанные с правительством идеей государственного блага, становятся недовольны правящей властью, видя, что она не охраняет этого блага, они восстают против неё. Подданные, поднимаясь против власти, не покидают государства, потому что не считают его чужим для себя <...> Люди Московского государства поступали как недовольные слуги или жильцы с хозяином, а не как непослушные граждане с правительством» [43, с. 49]. Учёный даже утверждал, что «московские люди как будто чувствовали себя пришельцами в своем государстве, случайными, временными обывателями в чужом доме...; не могли освоиться с мыслью о возможности восставать против него или заводить другие порядки в его доме» [43, с. 49].

Таким было положение, считал историк, всех слоёв русского общества: «Это ещё не сословия, а простые служебные разряды, на должностном московском языке называвшиеся чинами. Государственная служба, падавшая на эти чины, не была для всех одинакова: одна служба давала подлежащим ей классам большую или меньшую власть распоряжаться, приказывать; другим классам их служба оставляла только обязанность повиноваться, исполнять <...> Но и высший правительственный класс, которому государственная служба давала возможность командовать другими, не видел прямого законодательного обеспечения своих политических преимуществ»

[43, с. 51]. «В московском государственном порядке господство начала повинности оставило слишком мало места частным интересам, — продолжал учёный, — личным или сословным, принося их в жертву требованиям государства. Значит, в Московском государстве не было надлежащего соответствия между правами и обязанностями ни личными, ни сословными» [43, с. 52].

Царствование Ивана Грозного, считал Ключевский, с особенной силой показало эти недостатки государственного строя России [43, с. 52]. Следует заметить, что В. О. Ключевский последовал примеру Н. М. Карамзина, разделяя правление Ивана IV Грозного на два совершенно противоположных этапа «двух Иванов»: хорошего — реформатора и царя-тирана (даже употребляя определение «бешеного» [43, с. 20]). Он писал: «В молодости начав править государством, царь с избранными своими советниками повёл смелую внешнюю и внутреннюю политику, целью которой было, с одной стороны, добиться берега Балтийского моря и войти в непосредственные торговые и культурные сношения с Западной Европой, а с другой — привести в порядок законодательство и устроить областное управление» [43, с. 185].

Историк делал вывод о том, что положительное значение царя Ивана в истории России «далеко не так велико, как можно было бы думать, судя по его замыслам и начинаниям» [41, с. 186—187]. Он выдвинул положение о том, что история России без этого грозного царя шла бы тем же путём, но без страшных жестокостей и казней: «Жизнь Московского государства и без Ивана устроилась бы так же, как она строилась до него и после него, но без него это устройство пошло бы легче и ровнее, чем оно шло при нём и после него: важнейшие политические вопросы были бы разрешены без тех потрясений, какие были им подготовлены. Важнее отрицательное значение этого царствования» [41, с. 187]. В этом отношении он прямо соглашался с Н. М. Карамзиным и расходился со своим учителем С. М. Соловьёвым:

«Карамзин преувеличил очень немного, поставив царствование Ивана — одно из прекраснейших по началу — по конечным его результатам наряду с монгольским игмом и бедствиями удельного времени. Вражде и произволу царь жертвовал и собой, и своей династией, и государственным благом» [41, с. 187].

При оценке карательных мер Ивана Грозного по укреплению трона В. О. Ключевский, как и Н. М. Карамзин, в отличие от С. М. Соловьёва и впоследствии советской историографии, считал, что их значение перечёркивалось ничем не обоснованными репрессиями. В отличие от своего учителя С. М. Соловьёва, он полагал, что боярская оппозиция не двигалась дальше политических мечтаний: «боярская крамола не шла далее помыслов и попыток бежать в Литву: ни о заговорах, ни о покушениях со стороны бояр не говорят современники» [41, с. 174], а все обвинения её в заговорах и кознях — «плод чересчур пугливого воображения царя» [41, с. 173]. «А этот класс, — продолжал учёный, — терпит и молчит, боязливо подумывая только о побеге в Литву» [41, с. 371]. При этом он считал, что произвол царя, беспричинные казни, опалы и конфискации коснулись не только высших классов, но и народной массы: «От ожесточившегося царя льётся и небоярская кровь, на всю землю его именем набрасывается стая oprичников», однако «это общество терпит и молчит. Туга и ненависть поднялась, по словам современника, в миру, на царя роптали и огорчались, однако — ни проблеска протеста» [41, с. 371].

В связи с таким определением Московское государство до Смутного времени представляется В. О. Ключевским государством, напоминающим тип восточной деспотии: «Московское государство XVI века отличалось пёстрым совмещением разновременных и разнохарактерных социально-политических отношений. В нём не было ни свободных и полноправных лиц, ни свободных и автономных сословий» [43, с. 51]. Но, как бы испугавшись столь радикального вывода, учёный далее делал оговорку: «Однако общество

не представляло безразличной массы, как в восточных деспотиях, где равенство всех покоится на общем бесправии» [43, с. 51]. Тем не менее, представленная им картина московского строя в значительной степени укладывается в эту историософскую модель.

Подобно Н. И. Карееву, В. О. Ключевский рассматривал Речь Посполитую, как своеобразный славянский католический вариант западноевропейской цивилизации, оказывавший западное влияние и на Западную Русь [43, с. 259]. Более того, он считал, что «национальная и религиозная борьба западнорусского православного общества с польским государством и римским католицизмом заставляла русских борцов обращаться к оружию, которым была сильна противная сторона, к школе, к литературе, к латинскому языку» [43, с. 259].

Признавая принадлежность католической Польши к западной цивилизации, В. О. Ключевский писал: «Церковное родство и географическое соседство связали её с романо-германской Европой» [43, с. 258]. В Польше по европейскому образцу он признавал «политическую свободу высших классов», а в негативном плане оценивал «раннее и несдержанное развитие крепостного права» [43, с. 258]. Историк отмечал и отличия Польши от Европы в доминации одного сословия, «пользовавшегося исключительным господством в государстве» [43, с. 259]. В целом эта характеристика не столь негативна, как в русской консервативной историографии, или даже части либеральной (С. М. Соловьёв, В. И. Герье и др.). Общая оценка устройства Речи Посполитой показывала коренные отличия её от России: «При избирательных королях Речи Посполитой законодательство, как и направление всей политической жизни страны, стало под непосредственное влияние польско-литовской шляхты, господствующего класса в государстве» [43, с. 97].

Строй Москвы историк сравнивал также с устройством Речи Посполитой. Разницу между ними он, в частности, отмечал в дискуссии Ивана Грозного с послами Батория:

«Тоном вдохновенного свыше и вместе с обычной тонкой иронией писал он во время переговоров о мире врагу своему Стефану Баторию, коля ему глаза его избирательной властью: “Мы, смиренный Иоанн, царь и великий князь всея Руси по божию изволению, а не по многоятежному человеческому хотению”» [41, с. 185].

В связи с первостепенной ролью Польши и ВКЛ во внешнеполитической программе Москвы, а также нахождением в составе польско-литовского государства православных земель вполне логичным было бы сравнение общественно-политического и социально-экономического устройства этих государств, их цивилизационной модели и возможного взаимовлияния. Такое сравнение было бы вполне обосновано для представления объективных причин и обстоятельств необходимости вхождения этих земель в состав России. Таких прямых сравнений В. О. Ключевский не давал, ограничиваясь их косвенным сравнением и не высказывая прямо своих оценок. Учёный ограничился, вполне в традиции тогдашней русской науки, утверждениями о российской принадлежности этих земель и о религиозном угнетении православного населения в католическом польско-литовском государстве как о достаточных причинах прав и действий Москвы для присоединения названных территорий.

В целом общественно-политическое устройство ВКЛ периода XV—XVI веков, по его мнению, развивалось под влиянием образцов из Польши. Одновременно он выделял некоторые его отличия и их особенности на русских землях. Историк считал, что «политическое влияние Польши на Литву, сближая литовско-русский государственный строй с польским, в XV и первой половине XVI века кое-как поддерживало многократно обновлявшийся новыми договорами династический союз обоих государств, то имевших отдельных государей, то соединявшихся под властью одного» [43, с. 92]. Он также отмечал, что центральное и областное управление Литвы—Руси приблизилось к польскому образцу и получило аристократический

строй: «В Литве введены были по примеру Польши высшие правительственные должности-уряды, становившиеся со временем пожизненными владениями гетмана, главного предводителя войск, канцлера, хранителя государственной печати, двух подскарбиев, министров финансов, земского, ведавшего общегосударственные доходы и расходы, и надворного по дворцовому хозяйству; начальниками отдельных областей, которыми прежде управляли русские князья по соглашению с вечевыми городами, назначались воеводы, от которых зависели каштеляны, коменданты городов, помощники воевод, и старосты поветов, округов, на которые делились воеводства» [43, с. 89].

Важным элементом устройства польско-литовского государства В. О. Ключевский считал сейм, отмечая, что этот общественно-государственный институт создавался также и в Литве. При этом историк признавал первоначальную полную доминацию в этом органе католиков, что было свидетельством подчинённого положения русских земель в ВКЛ: «Литовский сейм, установленный Городельским договором, первоначально состоял только из литовских князей и бояр» [43, с. 90]. Как этап постепенного уравнивания прав привилегированного положения литовской знати перед русской православной, он рассматривал участие русских областей по смерти Витовта в усобице между Гедиминовичами. «В этой борьбе русские князья и бояре, — писал историк, — завоевали себе права литовских вельмож и около половины XV века получили доступ на сейм, который стал общим, или вальным, как его теперь называли» [43, с. 91].

Эта аристократия (паны) в ВКЛ, считал учёный, под влиянием из Польши сильно ограничивала власть великого князя литовского, составив правительственный совет, или раду. Историк подчёркивал сильную ограниченность центральной власти: «По привилею вел. кн. Александра 1492 года литовский государь не мог без согласия панов рады вести сношения с иноземными государствами,

издавать и изменять законы, распоряжаться государственными доходами и расходами, назначать на должности; мнения рады король признавал для себя обязательными и даже в случае своего несогласия с ними принимал их к исполнению «ради своей и общей пользы»» [43, с. 89]. Сейм также, отмечал он, имел аристократический характер: «от русских областей на нём являлась только знать, князья и паны, которые призывались все лично и имели решающий голос» [43, с. 91].

Учёный не высказывал никаких оценок данного процесса, в том числе и в отношении России. Однако он показывал их влияние посредством привилеев, изданных в XVI веке на западнорусские земли: «По этим привилеям литовско-русские землевладельцы уравнивались с польскими в правах владения вотчинами и жалованными имениями и освобождались от налогов и повинностей, за исключением некоторых маловажных, имевших не столько финансовое, сколько символическое значение» [43, с. 90]. В результате, по мнению В. О. Ключевского, русские князья к началу XVI века стали служилыми вотчинниками, полными собственниками своих княжеств и вместе со знатнейшими литовскими вельможами образовали землевладельческую аристократию, подобную польской и даже более влиятельную [43, с. 89].

Как продолжение этого процесса историк рассматривал образование в ВКЛ под влиянием Польши сословия шляхты: «Привилеями, как общими или земскими, данными всему княжеству, так и местными или областными, в Литовской Руси устанавливались сословные права и отношения, подобные тем, какие существовали в Польше» [43, с. 89]. Как этапы этого пути он рассматривал Городельский сейм, «подтвердивший соединение Литвы с Польшей», издание привилея, по которому литовские бояре, принявшие католицизм, получили права и привилегии польской шляхты, а также привилей Казимира, который «распространил эти права и на православную знать» [43, с. 89—90]. В первой половине XVI века, считал учёный,

русская шляхта ВКЛ добилаь политических прав: «Русско-литовская шляхта ведёт шумную борьбу со своей знатью и добивается призыва на вальные сеймы. Статут 1566 г. устроил сеймовое представительство русско-литовской шляхты по образцу польского шляхетского сейма» [43, с. 91]. «Вводились подобные польским поветовые шляхетские сеймики, — продолжал историк, — которые собирались в каждом повете (уезде) для выбора местных земских судей в сословный шляхетский суд, а также для избрания земских послов, т. е. представителей шляхты, на общем, или вольном, сейме, по два от каждого повета» [43, с. 90]. Таким образом, учёный, в отличие от большинства его современников, считал возможным создание сословия польско-литовской шляхты с одинаковыми сословными правами независимо от этнической и конфессиональной принадлежности и положения, и создание шляхетского общественно-политического строя, в котором так отличалось положение шляхты от прав их сословных собратьев в Москве. Дальнейшая разработка данной проблематики в русской науке была осуществлена учеником В. О. Ключевского — известным историком М. К. Любавским [40].

Это общественно-государственное устройство, в том числе и права русской шляхты, были закреплены в ВКЛ, отмечал В. О. Ключевский, в XVI веке законодательным сводом Литовского княжества. Началом этого законодательства, по его мнению, было издание Статута 1529 года. «После этот первый свод, — писал далее историк, — неоднократно пересматривали и дополняли, соглашая его с польским законодательством, вследствие чего на этом уложении отразилось сильное влияние польского права, смешавшегося в Статуте с древнерусскими юридическими обычаями, какие сохранились в Литовской Руси» [43, с. 90].

Само же устройство Речи Посполитой историк определял следующим образом: «Это была республикански устроенная избирательная монархия. Во главе управления становился король, избираемый общим сеймом Короны и Княжества. Законодательная

власть принадлежала сейму, составлявшемуся из земских послов, т. е. депутатов шляхты, только шляхты, и сенату, состоявшему из высших светских и духовных сановников» [43, с. 95]. Исследователь подчёркивал сильную ограниченность центральной власти также и в ВКЛ как части польско-литовской государственности в период даже до Люблинской унии: «литовский государь не мог без согласия панов рады вести сношения с иноземными государствами, издавать и изменять законы, распорядиться государственными доходами и расходами, назначать на должности; мнения рады король признавал для себя обязательными» [43, с. 89].

Учёный не высказывал никаких оценок данного процесса, в том числе и в сравнении с Россией. Однако, оценивая положение города и крестьянства на русских землях в ВКЛ, которое также изменилось под влиянием польских цивилизационных образцов, В. О. Ключевский высказывался негативно, занимая позицию более близкую к славянофильским оценочным подходам. Эта позиция была также ближе к оценкам С. М. Соловьёва, чем Н. И. Кареева или М. К. Любавского. Только в отношении уже XVII века, говоря о западном влиянии на Россию, В. О. Ключевский отмечал и значительный польский аспект этого явления [45].

Однако он показывал их влияние на западнорусские земли: «Русские князья к началу XVI века стали служилыми вотчинниками, полными собственниками своих княжеств и вместе со знатнейшими литовскими вельможами образовали землевладельческую аристократию, подобную польской» [43, с. 89]. Как продолжение этого процесса исследователь рассматривал образование в ВКЛ сословия шляхты: «Привилеями, как общими или земскими, данными всему княжеству, так и местными или областными, в Литовской Руси устанавливались сословные права и отношения, подобные тем, какие существовали в Польше» [43, с. 89]. В первой половине XVI века, считал он, русская шляхта добилаь политических прав: «Статут 1566 г. устроил

сеймовое представительство русско-литовской шляхты по образцу польского шляхетского сейма» [43, с. 91].

Согласно мнению В. О. Ключевского, усиление дворянства в Литовском княжестве сопровождалось упадком старинных городов Западной Руси, считалось, что в Киевской Руси области со своими волостными городами подчинялись решениям веча старших городов [43, с. 91]. «Старинные области вечевых русских городов постепенно разлагались на княжеские и панские вотчины, — писал он, — место веча заступил назначаемый великим князем воевода с подручными <...> Служилые землевладельцы, бояре и земляне, прежде входившие в состав городских обществ, теперь шляхетскими своими привилегиями обособились от мещан <...> Старинные области вечевых русских городов постепенно разлагались на княжеские и панские вотчины, и обессиленный вечевой город оставался одиноким среди этих чуждых и часто враждебных ему владельцев <...> Великокняжеские урядники, воеводы, кастеляны и старосты притесняли горожан» [43, с. 91]. Однако он отмечал, что польско-литовские государи, «чтобы вывести города Западной Руси из упадка, давали им немецкое городовое самоуправление, магдебургское право, которое в XIII и XIV вв. проникло в Польшу вместе с немецкими колонистами... В XIV в. это самоуправление введено было в городах Галицкой земли <...> С половины XV в. магдебургское право распространилось и в других городах Западной Руси» [43, с. 91—92]. Историк признавал, что «мещане получали некоторые торговые привилегии и льготы по отправлению казённых повинностей и освобождались от подсудности воеводами другим правительственным урядникам» [43, с. 92]. Эти права по магдебургскому устройству он считал меньшими, чем в период Киевской Руси, причём, говоря о таком «ухудшенном» положении города в ВКЛ, историк не сравнивал их с положением в Московской России.

Ещё негативнее В. О. Ключевский оценивал положение крестьянства в польско-литовском

государстве [43, с. 90]. В этом вопросе он оказался в плену стереотипов российской историографии, заявлявшей о значительно более суровом крепостном праве в Польше и ВКЛ, чем в Москве, и о приходе крепостничества с Запада на русские земли посредством Польши [34; 35]. Так, Ключевский писал: «Привилей Казимира воспретил переход крестьян с земель частных владельцев на великокняжеские и обратно; эти постановления положили начало закрепощению крестьян в Литовском княжестве по примеру Польши, где крепостное право установлено было ещё в XIV в.» [43, с. 90]. Однако в отношении XVII—XVIII веков точка зрения Ключевского на положение крестьян была уже иной: «Порядки самодержавно-дворянского русского правления так тяжело ложились на низшие классы, что издавна тысячи народа бежали в безнарядную Польшу, где на землях своевольной шляхты жилось сноснее» [44, с. 51].

Заключение. В историософской концепции истории России В. О. Ключевского в третий период истории московской России — великорусский — история Польши и польско-литовско-русские отношения занимали значительно более важное место, чем в предшествующие этапы. История Польши рассматривалась не как собственно её история, а в тесной связи с историей московской России, как постоянное соперничество, причём чаще всего в форме цивилизационно-религиозного противостояния. В настоящее время положение о значительности католической экспансии в ВКЛ в XV—XVI веках, о характере противостояния России и польско-литовского государства является дискуссионной проблемой в польской исторической науке, а также в значительной части белорусской и украинской [46—49]. Данная тематика исследовалась русским учёным в ряде проблем: отношений польско-литовского государства и Москвы, сравнения общественно-государственного устройства этих государств, польского цивилизационного влияния на ВКЛ и Западную Россию.

Список цитированных источников

1. *Коялович, М. О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М. О. Коялович. — 4-е изд. — Минск : Лучи Софии, 1997. — 688 с.
2. *Кизеветтер, А. А.* На рубеже двух столетий (вспоминания 1881—1914) / А. А. Кизеветтер. — Прага : [б. и.], 1929. — 524 с.
3. *Миллюков, П. Н.* Главные течения русской исторической мысли / П. Н. Миллюков. — М. : [б. и.], 1913. — 342 с.
4. *Нечкина, М. В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества / М. В. Нечкина. — М. : [б. и.], 1974. — 640 с.
5. *Цамутали, А. Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма : Историографические очерки / А. Н. Цамутали. — Л. : Наука, 1986. — 331 с.
6. *Черепнин, Л. В.* В. О. Ключевский / Л. В. Черепнин // Очерки истории исторической науки в СССР : в 2 т. — М. : [б. и.], 1960. — Т. II. — С. 146—170.
7. *Астахов, В. И.* Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.) / В. И. Астахов. — Харьков : Изд-во Харьков. ун-та, 1965. — 584 с.
8. *Шапиро, А. Л.* Русская историография в период империализма. Курс лекций / А. Л. Шапиро. — Л. : [б. и.], 1962. — 236 с.
9. *Киреева, Р. А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. / Р. А. Киреева. — М. : Наука, 1983. — 214 с.
10. *Киреева, Р. А.* В. О. Ключевский как историк русской исторической науки / Р. А. Киреева. — М. : Наука, 1966. — 230 с.
11. *Сахаров, А. М.* Историография истории СССР : Досоветский период / А. М. Сахаров — М. : [б. и.], 1978. — 256 с.
12. *Александров, В. А.* Предисловие / В. А. Александров, В. Л. Янин // В. О. Ключевский. Сочинения : в 9 т. — Т. I. Курс русской истории. Ч. I / под ред. В. Л. Янина. — М. : Мысль, 1987. — С. 5—32.
13. *Киреева, Р. А.* За художником скрывается мыслитель: Василий Осипович Ключевский / Р. А. Киреева // Историки России. XVIII — начало XX века. — М. : [б. и.], 1996. — С. 396—445.
14. *Киреева, Р. А.* История европейского человечества (лекции В. О. Ключевского по всеобщей истории) / Р. А. Киреева // Россия и Европа. Дипломатия и культура. — 2007. — Вып. 4. — С. 149—166.
15. *Нечухрин, А. Н.* Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. — 1917 г.) / А. Н. Нечухрин. — Гродно : [б. и.], 2003. — 348 с.
16. *Иллерицкая, Н. В.* Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX в. / Н. В. Иллерицкая. — М. : [б. и.], 1998. — 157 с.
17. *Щербань, Н. В.* Памяти великого историка. К 165-летию со дня рождения В. О. Ключевского / Н. В. Щербань // Отечеств. история. — 2006. — № 2. — С. 78—89.
18. *Шаханов, А. Н.* С. М. Соловьёв и В. О. Ключевский / А. Н. Шаханов // Вопр. истории. — 2000. — № 3. — С. 146—155.
19. *Попов, А. С.* Оценка В. О. Ключевского как «историка-социолога» в российской историографии / А. С. Попов // Социальные науки: история, теория, методология. — М. : [б. и.], 2000. — Вып. 2. — С. 67—84.
20. *Попов, А. С.* В. О. Ключевский и С. Ф. Платонов: преемственность историографической традиции / А. С. Попов // Государство и общество. Проблемы социально-политической и экономической истории России. — Пенза : [б. и.], 2003. — Вып. 1. — С. 38—42.
21. *Щербань, Н. В.* В. О. Ключевский о смуте / Н. В. Щербань // Отечеств. история. — М. : [б. и.], 1997. — № 3. — С. 96—106.
22. *Попов, А. С.* Школа Ключевского, синтез истории и социологии в российской историографии : автореф. дис. ... д-ра истор. наук / А. С. Попов. — Пенза : М. : [б. и.], 2002. — 40 с.
23. *Попов, А. С.* Историческая социология / В. О. Ключевского / А. С. Попов. — Пенза : ПГПУ, 2010. — 145 с.
24. *Гришина, Н. В.* «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре / Н. В. Гришина. — Челябинск : Энцикл., 2010. — 288 с.
25. *Эммонс, Т.* Ключевский и его ученики / Т. Эммонс // Вопр. истории. — 1990. — № 10. — С. 45—61.
26. *Баранов, М. В.* Философия истории В. О. Ключевского : автореф. дис. ... канд. филос. наук / М. В. Баранов. — М. : [б. и.], 2007. — 24 с.
27. *Мазалова, В. Ю.* Вклад В. О. Ключевского в разработку исторической социологии : автореф. дис. ... канд. социол. наук / В. Ю. Мазалова. — Саратов : [б. и.], 2005. — 23 с.
28. *Filatowa, N.* Polska w rosyjskiej myśli historycznej / N. Filatowa // Polacy i Rosjanie : 100 kluczowych pojęć / pod red. A. Magdziak-Miszewskiej, M. Zuchniak, P. Kowala. — Warszawa : Więzi. — 2002. — S. 21—34.
29. *Blachowska, K.* Narodziny imperium. Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku / K. Blachowska. — Warszawa : [s. n.], 2001. — 310 s.
30. *Serejski, M.* Europa a rozbiory Polski / M. Serejski. — Warszawa : [s. n.], 1970. — 518 s.
31. *Kruczkowski, T.* Polityka polska Katarzyny II w ocenie Wasyła Kluczewskiego / T. Kruczkowski // Rosja — Polska — Bałkany XVIII—XX w. — Szczecin : [s. n.], 1998. — S. 101—115.
32. *Нечухрин, А. Н.* Цивилизационный подход в российской историографии рубежа XIX — начала XX в. / А. Н. Нечухрин // Проблемы цивилизационного развития Беларуси, Польши, России и Украины в конце

XVIII—XXI веков : материалы Междунар. конф., Гродно, 6 окт. 2005 г., ГрГУ им. Я. Купалы, Ин-т истории Ягеллон. ун-та ; редкол.: А. Н. Нечухрин [и др.]. — Краков : [б. и.], 2007. — С. 11—18.

33. *Ключевский В. О.* Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский. — М. : Мысль, 1987—1990.

34. *Антонович, В. Б.* Монографии по истории Западной и Юго-Западной России : в ? т. / В. Б. Антонович. — Киев : [б. и.], 1885. — Т. 1.

35. *Коялович, М. О.* Лекции по истории Западной России / М. О. Коялович. — М. : Тип. Бахметева, 1864. — 394 с.

36. *Еленев, Ф. П.* Польская цивилизация и её влияние на Западную Русь / Ф. П. Еленев. — СПб. : Тип. И. Шумахера, 1863. — 88 с.

37. *Карамзин, Н. М.* История государства Российского : в XII т. / Н. М. Карамзин. — М. : [б. и.], 1908. — Т. IX.

38. *Соловьёв, С. М.* История падения Польши / С. М. Соловьёв. — М. : Тип. В. Грачёва, 1863. — 369 с.

39. *Кручковский, Т. Т.* Польско-литовское соперничество с Москвою во времена Ивана IV в оценке Н. М. Карамзина / Т. Т. Кручковский // Весн. ГрДУ. — 2012. — № 2. — С. 78—87.

40. *Любавский, М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С приложением текста хартий, выданных Великому княжеству Литовскому и его областям / М. К. Любавский. — М. : [б. и.], 1915. — 409 с.

41. *Ключевский, В. О.* Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский. — М. : Мысль, 1987—1990. — Т. 1. — 431 с.

42. *Ключевский, В. О.* Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский. — М. : Мысль, 1987—1990. — Т. 2. — 447 с.

43. *Ключевский, В. О.* Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский. — М. : Мысль, 1987—1990. — Т. 3. — 415 с.

44. *Ключевский, В. О.* Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский. — М. : Мысль, 1987—1990. — Т. 5. — 477 с.

45. *Ключевский, В. О.* Западное влияние и церковный раскол в России XVII в. (историко-психологический очерк) / В. О. Ключевский // Очерки и речи : второй сб. ст. В. Ключевского. — М. : Тип. П. П. Рябушинского, 1913. — 515 с.

46. *Jakowenko, N.* Historia Ukrainy od czasów najdawniejszych do końca XVIII wieku / N. Jakowenko. — Lublin : [s. n.], 2000. — 394 s.

47. *Сагановіч, Г.* Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII ст. / Г. Сагановіч. — Мінск : [б. в.], 2001. — 412 с.

48. *Szybieka, Z.* Historia Białorusi / Z. Szybieka. — Lublin : Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2002. — 571 s.

49. *Błaszczak, G.* Litwa na przełomie średniowiecza i nowożytności. 1492—1569 / G. Błaszczak. — Poznań : [s. n.], 2002. — 336 s.

Материал поступил в редакцию 07.05.2014.

In the work of the famous Russian liberal historian V. O. Kliuchevski specific place occupied Polish history. The article examines the place and role of Poland in the history of the concept of the Great-Russian period V. O. Kliuchevski. Historical Polish Studies scholar presented in the context of his major works, as well as on the background of the common positions of Russian historiography. In the context of the historical role of Poland and Polish Studies in the history of Russian art V. O. Kliuchevski only selectively investigated and special historiographical research on our stated problems was conducted.

Key words: Great-Russian period, history of Russia, Polish-Russian relations, historiosophic views of V. O. Kliuchevsky.